

Лин Чэ, увидев сложившуюся ситуацию, не осмелился больше говорить. Взяв в руки кнут для наказаний, он встал за спиной Фан Ляочжи, закрыл глаза и ударил.

Фан Ляочжи, стиснув зубы, лишь тихо застонал. После десяти ударов его гвардейская форма была изорвана в клочья. Лин Чэ применил мягкую силу, но, поскольку это происходило в присутствии императора, он не мог действовать слишком жестко. Хотя десять следов от кнута не были глубокими, кожа была разорвана, и кровь выступила наружу.

Жун Цзюэ не отводил взгляда от Фан Ляочжи. На самом деле, после каждого удара он хотел крикнуть, чтобы остановить наказание, но сдержался до конца.

— Осмелишься ли ты снова говорить такое? — спросил Жун Цзюэ, когда десять ударов были закончены. Его голос уже не звучал так гневно, как раньше.

— Ваше Величество, вы мудры и знаете, что личные чувства должны уступать место интересам государства, — с трудом произнес Фан Ляочжи, после чего его лоб коснулся пола, и он тяжело задышал.

— Уведи его отсюда и не позволяй никому навещать его, — снова разгневанный Жун Цзюэ сквозь зубы приказал Лин Чэ.

Лин Чэ, получив приказ, вывел Фан Ляочжи из императорского кабинета.

— Зачем ты так поступаешь? Сам нарываешься на наказание, — вздохнул Лин Чэ, не скрывая доли сочувствия.

— Я сам нарываюсь на наказание. В окружении императора полно старых чиновников, которых он не может наказать, так что это должен сделать я, — опустив голову, Фан Ляочжи слабым голосом произнес, опираясь на плечо Лин Чэ.

На следующий день после наказания Фан Ляочжи император издал указ, посмертно возведя Жун Мян в ранг князя Гун. Его семья получила щедрые награды от императора. Этот указ вызвал потрясение как при дворе, так и за его пределами.

— Братская любовь и уважение? — усмехнулся Фан Ляочжи, услышав слова Лин Чэ. — Император все еще не может отпустить прошлое. Однако этот шаг, вероятно, успокоит многих.

— Как ты себя чувствуешь? Император запретил вызывать к тебе врача, и я не осмеливаюсь тайно пригласить придворного лекаря, — Лин Чэ специально пришел в лагерь гвардии, чтобы не только сообщить Фан Ляочжи, что император одобрил его предложение, но и проведать его.

— Господин Лин проявил снисхождение, и император, несомненно, это заметил. Он знает, что со мной все будет в порядке, поэтому и не позволил никому навещать меня, — тихо ответил Фан Ляочжи. — Его характер не изменился, просто он оказался перед лицом чувств, и ему нужно время.

— В следующий раз, когда захочешь высказать свое мнение напрямую, мог бы ты хотя бы предупредить меня заранее? Каждый раз так поступая, ты заставляешь мое сердце сжиматься, и мне... трудно поднимать на тебя руку, — Лин Чэ достал из рукава лекарство и положил его рядом с Фан Ляочжи.

— Господин Лин теперь, оказывается, беспокоится обо мне, — уголок рта Фан Ляочжи дрогнул в улыбке.

— ... — Лин Чэ промолчал, что было равносильно согласию.

— Лин Чэ, ты ненавидишь Ци Нина? — повернув голову, спросил Фан Ляочжи. Хотя его раны не были глубокими, каждое движение причиняло боль, и он невольно глубоко вдохнул.

Лин Чэ почувствовал себя неловко из-за этого вопроса. Он и Ци Нин были личными телохранителями Седьмого принца. Их хозяин доверял ему и ценил его, а Ци Нина — очень любил. Хотя Ци Нин постоянно подшучивал над ним и тайно учился у него боевым искусствам, их отношения нельзя было назвать враждебными — до того дня, когда Ци Нин сам раскрыл свою истинную сущность.

— Я... сейчас, конечно, ненавижу его за то, что он обманул нашего хозяина и разыгрывал перед нами спектакль. Но в конечном итоге каждый служил своему господину, и я больше виню себя за то, что тогда не заметил этого.

— Он восхищался тобой и завидовал тебе, — медленно произнес Фан Ляочжи. — Ты всегда был верен одному хозяину, а он до конца мучился, пока не был вынужден выбрать смерть, чтобы оставить любовь и ненависть.

Лин Чэ не понял.

— Что ты имеешь в виду?

— Он испытывал настоящие чувства к нынешнему императору, — с легкой насмешкой, но также с долей самоиронии произнес Фан Ляочжи. — Кто не влюбится в императора, увидев его истинный характер?

— ... — Лин Чэ был поражен и сомневался в этих странных и бессвязных словах Фан Ляочжи. — Как ты можешь знать, испытывал ли он чувства?

Фан Ляочжи не ответил, устремив взгляд в пустоту. Внезапно по его щекам потекла пара слез.

С тех пор как Лин Чэ познакомился с Фан Ляочжи, он не раз видел, как его избивали и мучили, и несколько раз даже сам принимал в этом участие. Но это был первый раз, когда он увидел, как тот плачет. По какой-то причине его сердце сжалось, и он поднял руку, чтобы вытереть слезы.

— Господин, вам следует создать для императора еще одну личную гвардию. Людей не должно быть много, но все они должны обладать способностью командовать, чтобы вести за собой две-три тысячи человек, — уклонившись от руки Лин Чэ, Фан Ляочжи сам вытер слезы и серьезно произнес.

Лин Чэ, почувствовав неловкость из-за его избегающего жеста, убрал руку и спросил:

— Почему?

— Покойный император оставил императору 8 000 солдат императорской гвардии, которые верны императору и являются его главной военной силой. Кроме того, Тайный совет также представляет собой важную силу, подчиняющуюся непосредственно императору. Покойный император был дальновиден, предоставив князьям земли, но не позволив им иметь войска, опасаясь их предательства. Это в значительной степени предотвратило братоубийственные войны, но также привело к тому, что военная власть в империи оказалась в руках нескольких генералов, а члены императорской семьи стали слабыми. Если они перестанут считаться с

императором, это легко может привести к ситуации, когда император окажется в заложниках. Недавно император предупредил генерала Су, чтобы напугать остальных, но этого недостаточно.

Лин Чэ, видя, что Фан Ляочжи говорит крайне серьезно, сосредоточился на его словах и, воспользовавшись моментом, начал наносить лекарство на его раны.

Фан Ляочжи, почувствовав боль от соприкосновения лекарства с ранами, сморщился, но продолжил:

— Я верю, что генералы не имеют злых намерений, но они действительно пренебрежительно относятся к нынешнему императору, ведь он был избалован покойным императором и никогда не участвовал в войнах. Постепенно это отношение распространится и на армию. Поэтому необходимо как можно скорее утвердить его авторитет. Вы должны помочь императору подготовить людей и отправить их в эти армии, и это должны быть как минимум талантливые командиры.

Лин Чэ понял его мысль.

— Но для этого потребуется согласие императора. Как я могу тайно заниматься подготовкой войск?

— Просто будьте начеку. Император даст свое согласие. Когда он оставит прошлое позади и сосредоточится на государственных делах, он сам об этом подумает, — с горькой улыбкой произнес Фан Ляочжи. — Сколько времени на это потребуется, я не могу сказать. Если нужно будет наказать кого-то, я готов принять это на себя.

Лин Чэ чувствовал себя растерянным. Раньше он мог угадывать мысли Жун Цзюэ на семь-восемь частей, но сейчас ему было трудно принять решение.

— Чжу Ибин, занявший первое место на военном экзамене два года назад, действительно оправдывает свое имя. Он может натянуть лук весом 200 цзиней, а его стратегические рассуждения не уступают победителю литературного экзамена того года. Однако генерал Су посчитал его слишком книжным, и покойный император не дал ему высокого поста. Сейчас он занимает лишь номинальную должность. Если вы продвинете его, он будет вам благодарен, — сказал Фан Ляочжи. — У вас есть возможность рекомендовать людей императору, не так ли?

— Ты все это подготовил заранее, не так ли? Столкновение с императорским эскортом на улице было умышленным, — наконец спросил Лин Чэ, выслушав все это.

— В последнее время мои воспоминания начинают возвращаться, но они противоречат друг другу. Поэтому я придумал способ записывать все, что вспоминаю, чтобы не забыть в следующий момент. Я просто говорю вам, господин Лин, все, что приходит мне в голову. Я верю в вашу преданность и, более того, в ваши способности, — на этот раз Фан Ляочжи был предельно искренен, без тени насмешки.

Лин Чэ задумался на мгновение.

— Я верю тебе. Вернувшись, я сразу же начну заниматься этим.

Фан Ляочжи, казалось, с облегчением снял камень с души.

— Благодарю вас, господин.

В этот день небо было ясным, и гвардейцы занимались боевыми тренировками или просто болтали. Фан Ляочжи лежал на кровати, делая записи, когда услышал шум снаружи, похожий на звук собирающихся гвардейцев. Его раны еще не зажили, и никто не сообщил ему, что происходит, поэтому он не обращал на это внимания.

Снаружи внезапно воцарилась тишина, а затем раздался громкий хор голосов:

— Приветствуем Его Величество!

Фан Ляочжи вздрогнул — оказывается, Чжао Жунцзюэ прибыл. Он быстро спрятал бумаги и ручку, попытался встать, но раны не давали ему двигаться. Когда он с трудом пытался подняться, Чжао Жунцзюэ вошел, оставив всех слуг снаружи.

Фан Ляочжи взглянул на него: черная одежда с золотой вышивкой, две нефритовые подвески с драконами на поясе — император выглядел поистине величественно и красив. В комнате и снаружи царил тишина, и Фан Ляочжи слышал только стук своего сердца.

— Не слишком ты популярен, раз никто не предупредил тебя о моем приходе, — подойдя к кровати Фан Ляочжи и сев, Жун Цзюэ первым делом насмешливо заметил.

Фан Ляочжи с трудом попытался встать, чтобы поприветствовать его, но Жун Цзюэ рукой остановил его:

— Не двигайся, лежи спокойно.

— Почему вы пришли, Ваше Величество? Я действительно не слишком популярен. Новенький, неизвестного происхождения, никто не обращает на меня внимания, хе-хе, — улыбнулся Фан Ляочжи, глядя на Жун Цзюэ, и в его глазах читалась нежность.

Жун Цзюэ огляделся, и его взгляд остановился на маленькой банке с лекарством. Прищурившись, он спросил:

— Кто-то уже наносил на тебя лекарство?

В его голосе не было гнева, но чувствовалась странная нотка.

— Эээ... вы не накажете его, если я скажу? — на лице Фан Ляочжи появилось выражение смущения.

Жун Цзюэ достал из широкого рукава изящную нефритовую коробочку, открыл ее, приподнял тонкую одежду Фан Ляочжи и начал собственноручно наносить мазь на его раны, небрежно произнеся:

— Я не собираюсь наказывать. Если не хочешь говорить, не надо.

Фан Ляочжи, казалось, был поражен таким вниманием, и его спина напряглась.

— Ваше Величество...